

Елена Дрыжакова

Александр Герцен и Жорж Санд

Studia Rossica Posnaniensia 26, 103-111

1995

Artykuł został zdigitalizowany i opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

АЛЕКСАНДР ГЕРЦЕН И ЖОРЖ САНД

ALEXANDER HERZEN AND GEORGE SAND

ЕЛЕНА ДРЫЖАКОВА

ABSTRACT. The article describes less known facts included in the correspondence between these renowned persons and reflects the influence of George Sand on the personal life of Alexander Herzen.

Elena Dryzhakova, Department of Slavic Languages and Literatures, University of Pittsburgh, Pittsburgh, PA 15260, USA.

В последние 15 лет явно усилился интерес к личности и творчеству Авроры Дюдеван – Жорж Санд (1804-1878), чье имя теперь заняло подобающее ему место в современном феминистском движении¹. Некоторые биографы Жорж Санд упоминают об интересном эпизоде, свидетельствующем о высоком авторитете и большом доверии к Жорж Санд со стороны известного русского писателя и публициста А. И. Герцена (1812-1870)². В трудную пору его личной жизни Герцен просил своего друга Мюллера-Стрюбинга (Müller-Strübing) рассказать Жорж Санд о своей семейной драме и узнать ее мнение. Стрюбинг выполнил эту просьбу и переслал Жорж Санд адресованное ему письмо Герцена. Оно сохранилось в архиве Жорж Санд, но какова была ее реакция – неизвестно³.

Этот эпизод, хотя и известен довольно давно⁴, но до сих пор остается изолированным фактом отношения Герцена к замечательной французской писательнице. Составители *Летописи жизни и творчества А. И. Герцена* не только не объяснили его, но дали неверное представление о существовании какого-то „ответа” Жорж Санд

---

¹ Состоялось уже семь конференций, посвященных творчеству Жорж Санд. См.: *The World of George Sand*, ed. by N. Datlof, Fuchs, and D. A. Powell. Proceedings of the 7th George Sand Conference, Oct. 16-18 1986, New York – London 1991.

² См., например: R. Winegarten, *The Double Life of George Sand. Woman and Writer*, New York 1978, с. 289-290.

³ См.: G. Sand, *Correspondance, textes réunis, classés et annotés par Georges Lubin*, t. 11, Paris 1976, с. 418-419.

⁴ См. об этом в комментариях к письму Герцена от 18 октября 1852, № 229 (А. И. Герцен, *Собрание сочинений в тридцати томах*, т. XXIV, Москва 1954-1964, с. 516-517.

в связи с этим делом⁵. Увы! на самом деле мы ничего не можем сказать об отношении Жорж Санд к Герцену – человеку и писателю. Имя его не упоминается в известной нам корреспонденции писательницы. Но мы можем очень много рассказать об отношении Герцена к личности и творчеству Жорж Санд, добавив целую главу к теме: восприятие Жорж Санд в России⁶.

Герцен знакомится с творчеством Жорж Санд в годы Владимирской ссылки (1838-1839). В письме к своей невесте Н. А. Захарьиной от 28 февраля 1838 года Герцен рекомендует ей прочесть в „Сыне отечества” (№ 1 за 1838) перевод повести *Лавиния (Lavinia)*: „...прочти *Лавинию* и поклонись высокой женщине, которая пишет под именем George Sand, я давно хотел тебе дать ее сочинения, они очень вредны для толпы, т.е. очень полезны для тебя” (XXI,306)⁷. К этому времени Герцен уже мог прочитать и в журналах и в отдельных изданиях романы: *Индиана (Indiana)*, *Валентина (Valentina)*, *Лелия (Lelia)*, опубликованные в 1832-1833 годах. Однако интерес к творчеству Жорж Санд у русской читающей публики по настоящему определился после 1837 года, когда были переведены *Мопра* и несколько Венецианских повестей, в том числе *Ускок (L'Uscoque)*. Именно тогда начинается бурное обсуждение как самих произведений, так и фактов биографии этого необыкновенного автора. Все сведения о любовных связях, костюмах и эксцентрических привычках Жорж Санд русская пресса черпала из французских газет.

В это время Герцен писал Н. Кетчеру: „... m-me Dudevant, например, ее люблю от души, я съездил бы ей поклониться и ее (Н. А. Захарьину – Е. Д.) заставил бы поклониться высокой женщине, лишь бы она не курила рачитос при мне, все права отдаю женщине, но женщина с трубкой – гермафродит. Попроси у Левашовой романов Dudevant, да и по почте можно послать ... не знаю, как попал теперь на m-me Dudevant, а смерть захотелось, она женщина-Робеспьер, нет, Робеспьер был трус, он слынял 10 августа, ну, женщина – St.-Juste” (XXI,309).

⁵ *Летопись жизни и творчества А. И. Герцена*, т. 2, Москва 1976, с. 116.

⁶ О влиянии Жорж Санд на русское общество см.: С. Карр, *George Sand and the „Men of Forties”*. В: N. Datloff et al. (eds.), *The George Sand Papers, Conference Proceedings*, vol. 2, 1976, New York 1982, с. 180-188; P. Waddington, *Turgenev and George Sand: An Improbable Entente*, Totowa 1981; K. J. McKenna, *George Sand's Reception in Russia: the Case of Elena Gan*. В: N. Datloff et al. (eds.), *The World of George Sand, 7th Conference Proceedings*, New York – London 1991, с. 227-233.

⁷ Все сочинения Герцена цитируются по *Собранию сочинений в тридцати томах*, Москва 1954-1964. Далее в тексте указание на том и страницу.

Впрочем, проблемы свободной любви и эмансипированных женщин не очень занимали Герцена в это время. Сам он готовился венчаться со своей невестой, уверенный в вечной любви и идеальном соединении душ. Н. А. Захарына, конечно, уже читавшая многие вещи Жорж Санд, несомненно, была под впечатлением высоких и чистых страстей ее романтических героинь. Герцен гораздо больше был увлечен в это время философскими и историческими проблемами. Поэтому для него романы *Мопра*, *Спиридон*, *Ян Жижжа* (историческое приложение к роману *Консуэло*) гораздо интереснее любовных романов.

В *Дневнике* Герцена за 1842-1845 годы преобладают рассуждения и оценки авторов, так или иначе связанные с постановкой социальных и политических вопросов. Особо занимают его проблемы брака, любви и семейных отношений – жорж-сандовские проблемы. В *Дневнике* мы находим обширные рассуждения о браке в связи с чтением книги Шарля Фурье (Fourier), чье „устройство” любовных отношений Герцен хотя и не принимает, но готов согласиться с основной идеей: в новом разумном и справедливом обществе „брака не будет – любовь останется”⁸.

Но не только теории анализирует Герцен в связи с проблемами любви и брака. Его собственный жизненный опыт давал ему обильный материал для рассуждений на эти темы. После романтической женитьбы, трех лет безмятежного счастья и, казалось бы, полного взаимопонимания начались осложнения в отношениях с женой. Сначала это казалось просто разницей в характерах: быстро реагирующий на все и быстро забывающий невзгоды А. И. Герцен и глубоко затаптывающая свое горе Н. А. Герцен. Склонный к постоянной прони, общительный и веселый А. И. Герцен и грустная, серьезная, предпочитающая уединенные размышления Н. А. Герцен. Не удивительно, что на многие жизненные факты они реагировали по-разному. К тому же Герцен мог себе позволить и мимолетные „увлечения”, то есть по-просту говоря переспать с горничной из собственных крепостных⁹. Подобные „падения” были не редкостью в то время и в той среде, но Герцен, стремясь быть до конца правдивым с женой, рассказал ей о случившемся, надеясь на прощение и понимание. Прощение он как будто получил, но понимания не последовало. Напротив, как позже писала Н. А. Герцен в своем *Дне-*

---

⁸ Подробнее об этом смотри мою статью *Герцен и Фурье*. В: M. Partridge (ed.), *Alexander Herzen and European Culture. Proceedings of an International Symposium*, Nottingham and London 1982, Nottingham 1984, с. 59-86.

⁹ См. об этом эпизоде: „Дневник” (П. 219), более подробно в *Былом и думах* (IX, с. 96-98).

внике, у нее тогда „поколебалась вера в Александра, в нераздельность и слитность наших существований”¹⁰.

Как раз в период этого острого семейного конфликта А. И. Герцен и Н. А. Герцен читают только что вышедший роман Жорж Санд *Орас* и находят этот тип „чисто современным”. Скептицизм относительно устаревших „нравственных предрассудков” вполне разделяется Герценом: „Кто его (Ораса – Е. Д.) обвинит за увлечение Марты?” Но вместе с тем Герцен осуждает чувства и страсти, если они выражаются „грубо” и „гадко” (как у Ораса) (П, 222-223).

Все эти мысли очень волнуют Герцена лично: „многие ли... не найдут в себе много горасовского?” Свою связь с горничной Катериной Герцен вполне мог отнести к этой же категории. И произошло все если не „грубо” и „гадко”, то достаточно примитивно. Так было и раньше при соответствовавших возможностях романтическая, интеллектуальная, но болезненная жена – для духа, красивая, здоровая, разбитная горничная – для тела. Но не было раньше теоретического пафоса о равноправии в любви, об уважении к женщине, о ее праве на выбор. После романов Жорж Санд должно было быть стыдно наскоро переспать с горничной. Если же это случалось, казнились и страдали от сознания собственного „унижения” перед обстоятельствами, а иногда и оправдывали свои „увлечения” проявлением „*Naturgewalt*”. Такие поступки и „падения” подвергались всестороннему анализу, обсуждались с друзьями, подводились под теории... Только у горничных не спрашивали, что они думают и чувствуют по этому поводу.

Однако все это волновало лишь небольшой круг интеллектуалов. В повседневной жизни проблемы вставали иначе: брак заключался с установкой на всю жизнь, создавалась семья, рождались дети...

В противоположность мужу Н. А. Герцен в отношении к браку не имела никакой контроверзы между теорией и жизнью. Для Н. А. Герцен романы Жорж Санд были поистине откровением. Она их понимала буквально, не делая разницы между идеями и бытием. В них она искала ответы на мучившие ее сомнения и проблемы. Она, конечно, прочитала и Индиану, и *Лелию*, и *Жака*, и *Ораса*. Осенью 1843 года явился в печати роман *Консуэло*, и Н. А. Герцен, несомненно, читала с жадностью этот апофеоз высокой, самопожертвенной, целомудренной любви. Консуэло была для нее символом доброты, верности, искренности, той высшей духовности, которую

---

¹⁰ Дневник Н. А. Герцен цитируется по: *Русские пропилеи. Материалы по истории русской мысли и литературы*, под ред. М. Гершензона, т. 1, Москва 1915, с. 234. В *Былом и думах* Герцен цитирует дневник Н. А. иногда со своими исправлениями.

она видела в своей названной „сестре”, Н. А. Тучковой, в письмах обращаясь к ней: „моя Консуэло”¹¹.

Последний роман Жорж Санд, который читали в доме Герцена в России, был *Лукреция Флориани* (*Lucrezia Floriani*). Геронья романа в отличие от Консуэло вполне земная, добрая и великодушная женщина, бывшая актриса. Герой, Кароль, капризный, болезненный, требовательный аристократ. История его любви, вернее, ревности, погубившей любовь, написана в прежней манере Жорж Санд, но многословно и вяло. В начале Н. А. Герцен в восторге от Лукреции:

„О великая Санд, так глубоко проникнуть человеческую натуру, так смело прогнать живую душу сквозь падения и разврат и вывести ее невредимую из этого всепожирающего пламени... Чтобы сделали без нее с бедной Lucrezia Floriani, у которой в 25 лет было четверо детей от разных отцов, которых она забыла и не хотела знать, где они, слышать об ней считали бы за великий грех, а она становится перед вами и вы готовы преклонить колена перед этой женщиной. И тут же рядом вы смотрите с сожалением на выученную добродетель Кароля, на его узкую корыстную любовь. О! Если бы не нашлось другого пути, да падет моя дочь тысячу раз – я приму ее с такою же любовью, с таким же уважением, лишь бы осталась жива душа ее, тогда все перегорит и все сгорит нечистое, останется одно золото”¹².

Много надо было прочесть и обдумать романов Жорж Санд и сильно проникнуться, по выражению Достоевского, „идеями а la Лукреция Флориани”, чтобы глядя на свое двухлетнее дитя, представлять ее себе в столь рискованной ситуации! Однако Н. А. Герцен была захвачена этими идеями полностью „со всею русской стремительностью”, как скажет о влиянии Жорж Санд на русское общество много лет спустя тот же Достоевский¹³. Именно мысль о безусловном праве женщины на самостоятельное решение собственной судьбы и привлекала Н. А. Герцен в этом романе. И вместе с тем ей не понравилась последняя часть его с бесконечными перипетиями ревнивых страданий Кароля и великодушном терпении Лукреции.

А. И. Герцен, возможно, и вообще не читал этого романа: в 1846 году он был занят другими идеями. Но он, безусловно, знал, что читалось в доме и какое это производило впечатление. А впечатление было огромным. У Н. А. Герцен под влиянием Жорж Санд меняются не только взгляды на проблемы семьи и брака, но на весь окружающий мир: исчезают романтическая неопределенность и грусть, появляется самостоятельность и твердость в оценках людей, и событий. Сохранившиеся отрывки из *Дневника* Н. А. Герцен

¹¹ *Русские пропилеи*, т. 1, с. 246, 251, 254, 258, 267, 271, 275.

¹² Там же, с. 238.

¹³ Ф. М. Достоевский, *Полное собрание сочинений в 30-ти томах*, т. XXIV, Ленинград 1972-1990.

накануне отъезда из России рисуют перед нами облик совершенно другой женщины, чем была она в первые годы замужества:

„По временам я чувствую страшное развитие силы в себе, не могу себе представить несчастья, под которым бы я пала... У меня поколебалась вера в Александра, не в него, а в нераздельность, в слитность наших существований, но это прошло, как болезнь и не возвратится более. Теперь я не за многое поручусь в будущем, но поручусь за то, что это отношение останется цело, сколько бы ему не пришлось выдержать толчков. Могут быть увлечения, страсть, но наша любовь во всем этом останется невредима¹⁴.

Н. А. Герцен словно напророчила о своем семейном будущем и „толчки”, и „увлечения”, и „страсть”, только явилось все это не по прежней модели мимолетного романа мужа с горничной во имя „*Naturgewalt*”, а для нее самой в ее внезапно нахлынувшей страсти к романтическому поэту-красавцу Георгу Гервегу. Она была готова к такой любви под влиянием романов Жорж Санд, и она обрела ее!

История этой любви описана А. И. Герценом в *Былом и думах*, в главе „Кружение сердца” (X, 252-304), и описана, как можно было и ожидать, совсем не объективно. Он представляет свою жену жертвой эгоистической и холодной страсти Гервега, рисует его смешным, жалким, коварным, лживым, шантажирующим Н. А. Герцен своей любовью. Однако сохранившиеся и через сто лет ставшие доступными исследователям документы (письма Н. А. Герцен к Гервегу)¹⁵ свидетельствуют, что в мучительном двухлетнем романе Н. А. Герцен и Г. Гервега активной стороной была она, безумно любящая и готовая на все во имя этой страсти, в том числе и на уход от мужа. Впоследствии, уже на пороге своего смертного часа Н. А. Герцен, измученная непосильным бременем свалившейся на нее трагедии, отреклась от своей любви и отправила Гервегу письмо с твердым заверением, что никогда не разрушит своей семьи¹⁶.

О том, что это была романтическая любовь в жорж-сандовском стиле, свидетельствует своеобразная „поэтика” этой любви. В самом начале романа, когда все еще можно было принять за дружбу, когда два семейства, Герценов и Гервегов, тесно общались в Па-

¹⁴ *Русские прощели*, т. 1, с. 234.

¹⁵ Впервые некоторые письма были опубликованы в кн.: Е. Н. Сагг, *The Romantic Exiles*, New York 1933. В 1958 году Л. Р. Ланский, работая с фотокопиями писем из рукописного отдела Британского музея, опубликовал обзор и переводы писем на русский язык (*Литературное наследство*, т. 64, с. 259-318). Однако некоторая часть писем до сих пор остается неопубликованной.

¹⁶ Текст этого письма по-французски впервые опубликован в *Полном собрании сочинений и писем Герцена*, под ред. М. Лемке (т. 7, с. 13-15), затем в письмах Герцена (XXIV, с. 232-233). В *Былом и думах* это письмо приводится Герценом в несколько измененном виде (X, 90-91).

риже и в Швейцарии, когда Гервег уверял А. И. Герцена в братской дружбе, а Герцен журил его за недостаточную любовь и уважение к жене, Эмме Гервег, в бурной переписке 1849-1850 гг. Герцен и Гервег часто называли друг друга „близнецами”, а иногда и более конкретно: *Ландри (Landry)* и *Сильвине (Sylvinet)*¹⁷. Оба имени взяты из только что вышедшей повести Жорж Санд *Маленькая Фадетта (La petite Fadette)*, где два брата-близнеца: слабохарактерный и женственный Сильвине и мужественный и энергичный Ландри – влюблены в одну женщину, которая будучи женой Ландри, становится как бы духовной наставницей Сильвине. Она помогает ему совершить единственный решительный поступок в его жизни: покинуть их общий дом и поступить в солдаты, чтобы не мешать счастью любимого брата. Сильвине изображен в финале романа Жорж Санд обреченным на трагическое одиночество.

Из переписки Герценов и Гервегов становится ясно, что Н. А. Герцен, как бы принявшая на себя роль Фадетты, мечтала о совсем другом финале, о „гнезде близнецов” как о счастливой совместной жизни всех четвером, о каких-то новых „гармонических” отношениях без ревности и эгонизма...¹⁸. Хотя все остальные члены этой маленькой „коммуны”: и Герцен, и Гервег, и Эмма – сомневались в возможности подобных отношений, опыт был все же сделан. В Ницце был снят „общий домик”, и „близнецы” оказались под одной крышей. Истинный любовный характер отношений Н. А. Герцен и Гервега стал очевиден для А. И. Герцена. Ситуация жорж-сандовского *Жака* была налицо. Однако Герцен не повел себя по этой модели. Мысли об отъезде в Америку со старшим сыном бродили в его голове, но вовсе не с тем великодушным смирением, которое было у Жака. Да и эти мысли вскоре уступили место ревнивому отчаянию и открытой вражде, едва не приведшей к дуэли. „Гнездо близнецов” окончательно и даже скандально распалось, семейство Гервегов покинуло „общий домик”, Эмма, жертвуя своей любовью к мужу, готова была предоставить ему свободу, но Н. А. Герцен тяжело заболела и через год умерла. Так, если обе женщины в этом конфликте действительно определяли свои поступки по идеям Жорж Санд, то оба мужчины оказались неспособными ни к великодушному Жаку, ни к благо разумию Сильвине.

После смерти Н. А. Герцен и неосуществившейся попытки устроить над Гервегом суд международной демократии Герцен встретил в Лондоне Мюллера-Стрюбинга, с которым когда-то вместе участ-

¹⁷ См.: А. Н. Герцен, ук. соч., т. XXIII, с. 215, 278. См. также письма Н. А. Герцен в публикации Ланского.

¹⁸ См. об этом в моей статье *Герцен и Фурье*. В: Alexander Herzen and European Culture, ed. by M. Partridge, Nottingham 1984, с. 59-86.

вовал в антиправительственной демонстрации 13 июня 1849 года в Париже. Мюллер-Стрюбинг, литератор, историк, хороший знакомый Огарева, Тургенева, семейства Винардо (жил некоторое время в Ногане), близкий друг Гервегов, был, безусловно, в курсе семейной трагедии Герцена. Незадолго до встречи с Герценом он получил теплое письмо от Жорж Санд, ободрявшее его в изгнании¹⁹. Об этом письме Мюллер рассказал Герцену. Тогда-то и возникло у Герцена желание обратиться к Жорж Санд, чтобы она, „воплощающая в своей личности революционную идею Женщины” (XXIV, 352) сказала свое слово в осуждение Гервега. Герцен написал Мюллеру-Стрюбингу письмо, изложив свою семейную драму как бы по мотивам жорж-сандовских романов: женщина, „которую сломили, оклеветали, подвергли преследованиям и которую в конце концов убили. И все это только потому, что злополучная страсть овладела ее сердцем, подобно недугу, и потому, что ее сердце отринуло эту страсть при первом же пробуждении ее благородной и сильной натуры. А убийцей, клеветником, доносчиком этой женщины был тот самый человек, который, притворяясь, что беспредельно любит ее, предал ее из мстительного чувства, как предал своего ближайшего друга – из подлости” (XXIV, 352, оригинал по-французски).

Герцен просит Мюллера-Стрюбинга сообщить Жорж Санд „что-нибудь” из этой ситуации и попросить у нее разрешения переслать ей специально составленную записку („мемуар о своем деле”).

Мюллер-Стрюбинг, как уже говорилось, на следующий же день переслал Жорж Санд письмо Герцена, присовокупив к нему две его брошюры *О развитии революционных идей в России и Русский народ и социализм*. Ответа на письмо, по-видимому, не последовало. Жорж Санд, возможно, не хотела вмешиваться в эту довольно запутанную любовную историю, тем более, что Георг Гервег, как утверждает его биограф, был в числе ее друзей²⁰. Кроме того, отнюдь не „жаковская” позиция Герцена в этом конфликте, его нежелание отпустить жену к любимому человеку вряд ли могла вызвать сочувствие у автора *Леллии и Лукреции Флорентины*. Некоторое время Герцен, по-видимому, надеялся на „переписку” с Жорж Санд (XXIV, 354) и принялся за составление обещанного „мемуара”. Из этого замысла, как известно, начинаются *Былое и думы* Герцена.

Интересно отметить, что Герцен, рассылавший *Мемуар о Гервеге* многим своим знаменитым друзьям (в том числе Ж. Мишле, Л.-Ж. Прудону, Дж. Маццини и др.), Жорж Санд его все-таки не послал. Может быть, до Герцена дошли какие-то слухи об отно-

¹⁹ *George Sand. Correspondance*, t. 11, c. 418-419.

²⁰ V. Fleury, *Le Poète G. Herwegh*, 1911, c. 74.

шении Жорж Санд к его семейной трагедии, можно предположить, что она не одобрила бы интерпретацию Герцена. Во всяком случае, он к ней больше не обращался.

Во второй половине 1850-х гг. Жорж Санд потеряла свою популярность, а Герцен интерес к ее творчеству. Время от времени он вспоминает и оценивает некоторые произведения Жорж Санд: *Орас*, *Похождения Грибуля*, *Она и он*, но явно для него это уже прошедшее.

Последний отзыв о творчестве Жорж Санд мы находим в письме Герцена от 27 февраля 1868 года к дочери Тате: „Романов Жорж Санд читать не могу – скучны” (XXIX, 265). Скорее всего это относится к последним известным Герцену романам, в которых приключенческо-психологические подчас таинственные перипетии сюжета явно доминируют над социально-нравственными проблемами. Для Герцена Жорж Санд была и осталась писателем и деятелем 1840-х гг., как и он сам. Оба они принадлежали к поколению прошедшему через восторженный романтический социализм, в котором видели начало нового прекрасного и справедливого мира. К концу 1860-х гг. оба не могли не убедиться в абсолютной утопичности своих мечтаний. Мир развивался в сторону будничного, жестокого, но тем не менее реалистичного построения человеческих отношений. Мечтатели были забыты до начала нового века, принесшего человечеству новые трагедии. Жорж Санд умерла в 1876 году, „давно уже, – как сказал Достоевский, – пережив свою славу”²¹.

---

²¹ Ф. М. Достоевский, ук. соч., т. XXIII, с. 32.